

УДК 340

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(2)- 133-147

ХАРАКТЕР И СТЕПЕНЬ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И НЕПРЕСТУПНЫХ ДЕЯНИЙ: ПРОБЛЕМЫ ПОНЯТИЯ И КРИТЕРИЕВ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Ищенко И. В.

Крымский филиал Федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия»

В статье проанализированы научные подходы к понятиям характера и степени общественной опасности преступления и на их основе сформулированы авторские предложения по разграничению данных понятий. Обосновывается, что характер и степень, являясь показателями общественной опасности, устанавливаются в зависимости от двух различных групп обстоятельств: характер опасности – от конкретных признаков преступления, лежащих в рамках его состава и характеризующих его объект, объективную и субъективную стороны и субъект, а степень общественной опасности – исходя из обстоятельств, которые не отражены в составе преступления, но учитываются судом и влияют на различные аспекты уголовной ответственности. При этом аргументируется мысль о том, что из понятия «степень общественной опасности» нельзя исключать ни личность виновного, ни смягчающие или отягчающие обстоятельства, ни какие-либо другие фактические обстоятельства, влияющие на его общественную опасность. С учетом такого понимания сделаны предложения *de lege ferenda*, касающиеся ч. 3 ст. 60 УК РФ, а также предложена новая редакция п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания».

В статье также исследована общественная опасность преступных деяний, в результате чего сделан вывод, что ее содержание, показатели и возможность использования понятий характера и степени общественной опасности зависят от конкретного вида такого деяния.

Ключевые слова: характер общественной опасности; степень общественной опасности; преступление; преступные деяния; уголовное законодательство; доктрина уголовного права; научные подходы; судебная практика; элементы состава преступления; признаки состава преступления; личность виновного; фактические обстоятельства; оценка преступления.

В уголовно-правовой науке и практике одним из наиболее разработанных (хотя и дискуссионных) понятий является общественная опасность преступления. В отличие от этого, общественная опасность преступных деяний исследована гораздо меньше. Данное обстоятельство диктует логику и содержание настоящей статьи, в которой вначале рассматриваются характеристики общественной опасности преступления, а затем – общественной опасности преступных деяний.

Общественная опасность преступления как предмет изучения сразу же обнаруживает редкую гармонию уголовного законодательства, доктрины и судебной практики: каждая из этих трех форм воплощения уголовного права оперирует такими понятиями, как характер и степень общественной опасности. Правда, на этом гармония и заканчивается, поскольку более глубокий анализ выявляет существенный разброс мнений и подходов не только к их содержанию, но и к взаимосвязи с общественной опасностью. Так, характер и степень именуются соответственно качественной и количественной сторонами общественной опасности преступления [36, с. 53-59], качественной и количественной характеристиками [14, с. 153-154; 19 с. 112; 12], различными уровнями оценки преступления [16 с. 27, 18 с. 63], показате-

лями общественной опасности [35, с. 117], инструментарием измерения общественной опасности [32, с. 8], характеризующими признаками [32, с. 4] и т.д.

Не менее широка и разнообразна линейка научных подходов к содержанию рассматриваемых понятий. Причем среди них можно выявить, с одной стороны, группу точек зрения, традиционно обсуждаемых в доктрине уголовного права, уже имеющих целый ряд своих адептов, оппонентов и регулярно прирастающих новыми, а с другой – единичные мнения, стоящие в стороне от основного дискурса.

Так, большинство криминалистов связывают характер общественной опасности с теми общественными отношениями, на которые направлено преступление, т.е. с его объектом. При этом подчеркивается, что характер общественной опасности зависит от важности общественных отношений и показывает типовую характеристику вредности тех или иных деяний, объединенных общим объектом, а степень общественной опасности определяется способом совершения преступления, тяжестью наступивших последствий, стадиями осуществления преступного намерения и другими юридически значимыми особенностями конкретных преступных деяний [36 с. 42]. Данный подход можно назвать традиционным, его в той или иной степени разделяют многие ученые [9 с. 73-74; 13 с. 45; 34 с. 90; 16 с. 25].

Немало сторонников имеет и другое понимание характера общественной опасности. Оно заключается в том, что его содержание образуют все элементы и признаки состава преступления, как объективные, так и субъективные. В частности, Н.Ф. Кузнецова, отмечая ведущее значение объекта и последствий преступления, относил к ним также способ совершения преступления, форму вины, содержание мотивов и целей, признаки субъекта преступления и пр. [38, с. 53-58] Степень общественной опасности, по ее мнению, являясь количественной стороной материального признака преступления, образуется за счет совокупной степени общественной опасности объективных и субъективных признаков преступления [38, с. 58-59]. Так же широко трактуют понятие характера общественной опасности преступления и другие ученые, связывая его со всеми или со многими признаками состава преступления [33, с. 10-11, 31 с. 8-9; 31, с. 145; 19, с. 110, 116; 30, с. 10].

Убедительна позиция Ю.Е. Пудовочкина, который, вслед за В.В. Мальцевым, обосновывает, что характер и степень общественной опасности отражают различные уровни оценки преступления: характер свидетельствует об опасности преступлений определенного вида, а степень – об опасности конкретного преступления [28 с. 63, 16 с. 27]. Е.В. Благов также полагает, что характер общественной опасности позволяет уяснить не индивидуальные признаки конкретного преступления, а общие признаки преступлений определенного вида (убийств, изнасилований, хищений и пр.) [3 с. 39]. Как следствие, утверждается, что характер общественной опасности определен законодателем, когда он принял решение о криминализации того или иного общественно опасного деяния. В этом отношении характер опасности не может быть изменен без законодательного решения, он – фактор неизменный, а это, в свою очередь, означает, что «суд не вторгается в оценку характера общественной опасности, ибо иное означало бы сомнение в обоснованности самой криминализации деяния. Суд лишь учитывает ... характер опасности преступления» [3 с. 64]. К этой же группе можно отнести и взгляд на общественную опасность А.П. Козлова, хотя он и не лишен внутреннего противоречия: с одной стороны, утверждается, что характер общественной опасности базируется на всей совокупности признаков пре-

ступления, а с другой – из этой совокупности исключается объект, поскольку он «сам по себе вообще не образует общественной опасности, он связан с ней только через причиненный вред. Отсюда при установлении характера опасности вообще нельзя опираться на объект» [11 с. 721].

В некотором отдалении от приведенных подходов находятся отдельные научные трактовки характера и степени общественной опасности, не нашедшие отклика в научной среде. Так, Б.Т. Разгильдиев определяет характер общественной опасности как «предполагаемый вред правовому благу, от причинения которого удерживаются угрозой наказанием неперсонифицированные лица (на уровне состава преступления), либо вред, за учинение которого персонифицированные лица несут ответственность, предусмотренную санкциями соответствующих уголовно-правовых норм (на уровне преступления)» [29 с. 545]. Степень общественной опасности, по его мнению – это «основанная на характере общественной опасности деяния, обстоятельствах, смягчающих и отягчающих наказание, других факторах, характеризующих личность, готовность лица к совершению нового посягательства на личность, общество, государство, мир и безопасность человечества» [29 с. 545]. Больше того, провозглашается, что «определяющим в степени общественной опасности является уровень готовности лица к совершению нового посягательства», а состояние «готовности» основывается «на характере причиненного вреда соответствующему объекту (объективный показатель) и получении лицом полного или неполного удовлетворения от совершенного им деяния (субъективный фактор)» [29 с. 545].

Признаемся, что комментировать изложенную точку зрения довольно затруднительно, поскольку она состоит из утверждений, бесспорность и аргументированность которых вовсе не очевидна. К тому же, она порождает вопросы, на которые мы не нашли ответа, например: означает ли такое понимание степени общественной опасности, что это понятие применимо лишь к тем преступлениям, которые совершаются повторно? В чем выражается «готовность» лица к совершению нового посягательства? Как соотносится эта «готовность» с причиненным вредом соответствующему объекту? Как выявить полноту удовлетворения преступника совершенным им преступлением и т.д.

И.А. Солодков считает, что степень общественной опасности – это «обусловленная характером общественной опасности, а также обстоятельствами, смягчающими и отягчающими наказание, иными обстоятельствами, характеризующими личность виновного, злонамеренность лица, выражающая уровень потенциальной возможности совершения им нового посягательства на объекты, поставленные под охрану уголовным законом» [30 с. 9]. В данном случае также возникают безответные вопросы, касающиеся оценочного понятия «злонамеренность», показателей потенциальной возможности новых посягательств и пр.

О.А. Михаль обещает установить «истинное содержание» характера и степени общественной опасности преступления [17], однако в результате оказывается, что оно реализуется путем введения в уголовное законодательство новой категории – «общественная вредность». Упоминание же об общественной опасности, по мнению автора, «должно остаться только в норме, дающей понятие преступления. Во всех иных случаях, где законодатель использует категорию общественной опасности, следует говорить об общественной вредности» [17]. При этом он автоматически переносит на понятие «общественная вредность» все показатели понятия «обществен-

ная опасность»: характер, степень, содержание, способы установления в законе и пр. Мы не уверены в эффективности такой «новизны» и не можем не отметить ее практическую сомнительность.

Целый ряд суждений, касающихся понятий характера и степени общественной опасности преступления, высказал Верховный Суд РФ. Самое главное из них, по нашему мнению, содержится в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (далее – постановление от 22.12.2015 № 58) [22]: «Характер общественной опасности преступления определяется уголовным законом и зависит от установленных судом признаков состава преступления. При учете характера общественной опасности преступления судам следует иметь в виду прежде всего направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред. Степень общественной опасности преступления устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, в частности от характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, от вида умысла (прямой или косвенный) либо неосторожности (легкомыслие или небрежность). Обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание (статьи 61 и 63 УК РФ) и относящиеся к совершенному преступлению (например, совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств либо по мотиву сострадания, особо активная роль в совершении преступления), также учитываются при определении степени общественной опасности преступления».

Приведенные результаты исследований и обобщения судебной практики представляются достаточными для аргументированного изложения нашей авторской позиции относительно понятий «характер» и «степень» общественной опасности. При этом целесообразно начать с краткого комментария итогов научной разработанности рассматриваемых понятий. Полагаем, что для характеристики взаимосвязи понятий характера и степени с понятием «общественная опасность» не могут быть применены такие термины, как «количественная сторона» или «количественная характеристика», т.к. любое упоминание о количестве требует математических последствий: в каких единицах измерять, каким образом суммировать или вычитать соответствующие признаки, установленные в конкретном преступлении и т.д. Решить такую задачу невозможно: нам кажется непоколебимой правота Ю.Е. Пудовочкина, утверждающего, что измерить общественную опасность преступления как разновидности зла так же невозможно, как при помощи математики исчислить степень доброты, вежливости, порядочности и других социально-этических понятий» [28 с.65]. С учетом этого акцент на «количестве» при характеристике общественной опасности некорректен, а это, в свою очередь, означает также невозможность использования для этих целей и понятия «качество» – оно уместно только в смысловой связке с понятием количества. По этим же причинам представляется неприемлемым и термин «инструментарий измерения общественной опасности».

Понимание характера и степени как признаков общественной опасности также, на наш взгляд, не вполне удачно, т.к. понятие «признак» чаще всего свидетельствует о принадлежности объекта к некоторому классу или о факте (обстоятельстве), позволяющем сделать вывод о наличии какого-либо явления и разграничить его с другими. Как было обосновано нами ранее, общественная опасность не является

исключительно уголовно-правовым понятием, она присуща непреступным и даже правомерным действиям, угрозы со стороны которых вполне соизмеримы с криминальными.

По нашему мнению, характер и степень выступают в качестве показателей общественной опасности преступления, они помогают обнаружить и охарактеризовать внешние формы проявления такого сущностного признака преступления, каким является общественная опасность. Иначе говоря, в данном случае применимы философские категории сущности и явления: общественная опасность дается нам в проявлениях ее характера и степени; как емко сформулировал Гегель – сущность является, а явление сущностно. Действительно, как мы оцениваем общественную опасность преступления? Как указывал Верховный Суд РФ вслед за законодателем, именно по ее характеру и степени. Именно эти показатели (параметры) постоянно находятся в поле зрения высшей судебной инстанции, именно их она уточняет в своих актах по мере накопления правоприменительного и научного опыта.

Переходя к содержанию исследуемых понятий, считаем необходимым обратить внимание на неполноту, а значит, и не безупречность господствующего в науке взгляда на зависимость характера общественной опасности от объекта преступного посягательства. Несмотря на весьма добротное обоснование и привлекательность профессионального «искусения» раз и навсегда четко отграничить характер опасности от ее степени, он имеет некоторые недостатки. Главным из них представляется его несогласованность с позицией Верховного Суда РФ, который связывает характер общественной опасности не только с объектом преступления, но со всеми установленными судом признаками состава преступления [22]. Направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред лишь имеют приоритет в учете характера общественной опасности судом [22], но вовсе не исключают оценки и учета других признаков. Подход Верховного Суда РФ представляется нам единственно верным: при характеристике общественной опасности преступления, тем более, ее характера, недопустимо ограничиваться только одним элементом состава преступления. Конечно, его важность очевидна и признана законодателем: объект преступления лежит в основе структуры Особенной части уголовного закона. Но очевидно и то, что общественная опасность посягательств на один и тот же объект может быть совершенно различной (например, ст.ст. 105-108; 205 и 205, 212 и 214 УК РФ). Это убедительно доказывает, что в подобных случаях определяющими опасностью элементами и признаками составов являются иные, а не объект преступления.

Рассмотрение характера и степени общественной опасности через призму всех признаков состава преступления также представляется нам не оптимальным, поскольку не позволяет более или менее ясно разграничить признаки, «отвечающие», с одной стороны, за характер, а с другой – за степень общественной опасности. Этот существенный, на наш взгляд, изъян имеется и в постановлении от 22.12.2015 № 58. Так, причиненный вред Верховный Суд РФ относит к характеру общественной опасности, а характер и размер наступивших последствий – к степени общественной опасности. Подобные примеры встречались и в доктрине уголовного права: форма вины включалась в характер общественной опасности, а виды умысла и неосторожности – в степень общественной опасности [19, с.110, 116-117]. При таком подходе естественным образом возникает вопрос: а что такое формы вины, если не объеди-

нение различных видов умысла и неосторожности? Другими словами, если мы отнесем виды умысла и неосторожности к степени общественной опасности, что содержательно останется на долю ее характера? К сожалению, ответов на эти вопросы в соответствующих научных публикациях мы не находим.

С пониманием характера и степени общественной опасности как различными уровнями оценки преступления, при всей его логической стройности, также нельзя полностью согласиться. Во-первых, и УК РФ, и соответствующие разъяснения Верховного Суда РФ регулируют прежде всего оценку характера и степени общественной опасности именно конкретного преступления, а не «преступлений определенного вида» (ч. 3 ст. 47, ч. 3 ст. 60, п. 1.1. ч. 1 ст. 63, ч. 1 ст. 68, ч. 2 ст. 73 УК РФ, пп. 1, 27, 66 постановления от 22.12.2015 № 58). Во-вторых, если трудно спорить с тем, что характер общественной опасности определяется законодателем, то вывод о том, что суд не вторгается в оценку характера общественной опасности, не просто спорен – он очевидно противоречит уголовному закону и единообразной практике его применения. Ч. 6 ст. 15 УК РФ – веское доказательство тому, что суд наделен правомочием не просто вторгаться, а изменять опасность преступления, понижая его категорию на одну ступень. Кроме того, в п. 1 постановления от 22.12.2015 № 58 предусмотрено, что характер общественной опасности преступления хоть и «определяется уголовным законом», но все-таки «зависит от установленных судом признаков состава преступления». Отмеченные обстоятельства опровергают, на наш взгляд, тезис о неизменном характере общественной опасности. Веским аргументом в пользу этого является позиция Судьи Конституционного Суда РФ К.В. Арановского, правильно отметившего главную специфику общественной опасности, которая представляет собой «не только объективный риск... но «еще и человеческое, субъективное состояние, и в этом смысле она зависит от того, как ее чувствуют, представляют и выражают, в частности, законодательным решением по праву конституционного народовластия и в силу законодательных полномочий» [21]. Может ли быть «неизменным» законодательное и судебное усмотрение? Думаем, нет.

Вместе с тем, приходится констатировать, что в некоторых случаях адепты комментируемого научного подхода доводят его до абсурда, предлагая вообще отказаться от учета характера общественной опасности при назначении наказания и отразить это на законодательном уровне. В частности, В.Н. Воронин полагает, что «ссылку на характер общественной опасности следовало бы перенести из ч. 3 ст. 60 УК РФ в ч. 1 указанной статьи: «... определяется наказание с учетом характера общественной опасности в пределах...» [5 с. 116]. Данное предложение не выдерживает критики, как минимум, по двум основаниям: прежде всего, «перенос» ссылки на характер общественной опасности в редакции В.Н. Воронина в ч. 1 ст. 60 УК РФ ничего не может изменить по существу, поскольку данная статья регламентирует общие начала назначения наказания, а ее единственным адресатом является суд. Исходя из этого, замена термина «назначается» на термин «определяется» применительно к наказанию, по сути, сводит на нет первое важнейшее общее начало назначения наказания: из ясного и четкого требования к суду оно превращается в простое, ни к чему не обязывающее напоминание ему о том, что наказание определяется законодателем. К тому же в предлагаемой В.Н. Ворониным редакции отсутствует такая важнейшая, принципиальная характеристика наказания, как «справедливое», имеющаяся в ч. 1 ст. 60 УК РФ. Полагаем, на этом можно остановиться: sapienti sat.

Правовая позиция Верховного Суда РФ относительно характера и степени общественной опасности преступления, закрепленная в постановлении от 22.12.2015 № 58, позволяет уяснить следующие важные для нашего исследования положения: 1) при назначении наказания судом должны быть учтены как характер, так и степень общественной опасности; 2) характер общественной опасности зависит от установленных судом признаков состава преступления, т.е. связан именно с ними; 3) приоритетное значение в процессе установления характера общественной опасности имеют направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред; 4) степень общественной опасности зависит от конкретных обстоятельств содеянного – характера и размера последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, видов умысла либо неосторожности; 5) смягчающие и отягчающие обстоятельства также учитываются при определении степени общественной опасности преступления (к этому положению вернемся еще чуть позже).

Думается, на основании этого допустимо предложить следующее разграничение понятий «характер общественной опасности» и «степень общественной опасности»: первое образуют обстоятельства, связанные с признаками преступления, лежащими в рамках конкретного состава и характеризующими, соответственно, его объект, объективную и субъективную стороны, а также субъект преступления. Второе понятие – «степень общественной опасности» – устанавливается, исходя из тех обстоятельств, которые не отражены в законодательной формуле преступления – его составе, но учитываются судом и влияют на назначение наказания или на иные аспекты ответственности (освобождение от наказания или от уголовной ответственности, применение условного осуждения, мер уголовно-правового характера и пр.). Так, характер общественной опасности убийства (ч. 1 ст. 105 УК РФ) будут определять признаки объекта, объективной, субъективной стороны и субъекта (направленность на жизнь, последствия, характер деяния, содержание умысла, характеристики возраста и вменяемости виновного и пр.), а степень общественной опасности, к примеру, такие обстоятельства, как мотив сострадания, наличие малолетних детей у виновного и пр.). Преимущества такого разграничения, на наш взгляд, заключаются в его основанности на совершенно различных, не совпадающих и не дублирующих друг друга группах обстоятельств, а также на частичном соответствии достаточно многочисленной и единообразной судебной практике по конкретным делам. Приведем в доказательство несколько примеров.

П. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2021 № 21 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (статьи 201, 201¹, 202, 203 Уголовного кодекса Российской Федерации)» (далее – постановление от 29.06.2021 № 21) требует учитывать при оценке степени общественной опасности содеянного содержание мотивов и целей, значимость обязанностей, которые были нарушены, продолжительность преступных действий (бездействия), характер и тяжесть причиненного вреда, количество потерпевших, наличие вреда охраняемым законом интересам государства, другие фактические обстоятельства и данные о личности виновного. Как видим, довольно большое количество обстоятельств, которые должны учитывать суды, не охватываются соответствующими составами преступлений (содержание мотивов, значимость нарушенных обязанностей, продолжительность пре-

ступных деяний, данные о личности). Перечень обстоятельств оставлен открытым, что позволяет суду учесть любые, по его мнению, значимые характеристики конкретных преступлений. Следовательно, Верховный Суд РФ совершенно ясно формулирует, что при оценке судами общественной опасности преступления могут учитываться признаки преступления, не связанные с его составом, указанным в УК.

Другим примером подобного толкования является постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (далее – постановление от 28.06.2011 № 11), которое перечисляет признаки, свидетельствующие о наличии прямого умысла и специальных целей и которые в науке уголовного права прочно и однозначно связываются именно со степенью общественной опасности соответствующих преступлений [2, с. 39-40]. Верховный Суд подчеркивает, что судам следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать, в частности, «форму и содержание размещенной информации, ее контекст, наличие и содержание комментариев данного лица или иного выражения отношения к ней, факт личного создания либо заимствования лицом соответствующих аудио-, видеофайлов, текста или изображения, содержание всей страницы данного лица, сведения о деятельности такого лица до и после размещения информации, в том числе о совершении действий, направленных на увеличение количества просмотров и пользовательской аудитории, данные о его личности (в частности, приверженность радикальной идеологии, участие в экстремистских объединениях, привлечение ранее лица к административной и (или) уголовной ответственности за правонарушения и преступления экстремистской направленности), объем подобной информации, частоту и продолжительность ее размещения, интенсивность обновлений. Кроме того, при решении вопроса о малозначительности указанного деяния судам необходимо учитывать размер и состав аудитории, которой соответствующая информация была доступна, количество просмотров информации, влияние размещенной информации на поведение лиц, составляющих данную аудиторию» [24].

Судебные акты Конституционного Суда РФ также позволяют констатировать, что он допускает при оценке степени общественной опасности учет не только признаков состава преступления. Так, оценивая конституционность ст. 324 УК РФ, Конституционный Суд РФ специально подчеркнул необходимость в правоприменительной практике «устанавливать как *формальную уголовную противоправность* предусмотренного статьей 324 УК Российской Федерации деяния, так и *реальную степень его общественной опасности, определяемую с учетом исследования всей совокупности фактических обстоятельств конкретного дела* (курсив наш – И.И.), в том числе свидетельствующих о наличии либо отсутствии оснований для освобождения лица от уголовной ответственности или от наказания либо для признания совершенного деяния малозначительным» [18].

В дополнение к этому добавим, что ранее мы приводили убедительные доказательства учета судами при констатации малозначительности деяния широкого спектра фактических обстоятельств, в том числе, лежащих за пределами конкретных составов преступлений. Таким образом, приведенное обоснование, по-нашему мнению, убеждает в том, что предлагаемое нами разграничение содержания понятий характера и степени общественной опасности является не только логичным и оптимальным, но и учитывает фактическую готовность к такому разграничению в су-

дебной практике, которую необходимо лишь формализовать в соответствующих постановлениях Верховного Суда РФ и иных судебных актах. Для этого предлагаем откорректировать п. 1 постановления от 22.12.2015 № 58 так: «Характер общественной опасности преступления определяется уголовным законом и зависит от установленных судом признаков состава преступления. При учете характера общественной опасности преступления судам следует иметь в виду прежде всего направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред.

Степень общественной опасности преступления устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, лежащих за пределами состава преступления. К ним могут быть отнесены, например, характер и размер последствий преступления с формальным составом, мотивы, цели, способы деяния, не являющиеся составообразующими или квалифицирующими признаками, характеристики личности виновного, его постпреступное поведение и пр. Обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание...» – далее по тексту.

Отдельного развернутого комментария заслуживает предлагаемое нами включение в содержание понятия «степень общественной опасности» данных о личности виновного, поскольку в уголовно-правовой доктрине имеются взгляды, причем не единичные, согласно которым характеристика личности рассматривается за пределами общественной опасности. Так, Ю.Е. Пудовочкин считает, что «следует четко различать опасность преступления и опасность лица, совершившего преступление...; нет оснований для того, чтобы отождествлять их или смешивать» [28, с. 59]. Обосновывая данную точку зрения, ученый приводит в качестве ее доказательств ситуации замены категории преступления, совершенного при наличии рецидива преступлений на менее тяжкую; оценки особо тяжкого преступления, впервые совершенного лицом с безупречной репутацией вследствие случайного стечения тяжелых жизненных обстоятельств; утраты лицом общественной опасности вследствие изменения обстановки и т.д. [28, с. 60] На основании этого заключается, что «при всей взаимосвязи, опасность преступления и опасность личности – не совпадающие феномены, имеющие, к тому же, различающиеся критерии и параметры оценки» [28, с. 60]. Конечно, «отождествлять» или «смешивать» общественную опасность преступления и общественную опасность личности виновного не следует. Они, действительно, касаются различных явлений, имеют различные критерии и параметры оценки. Однако, по нашему мнению, это не препятствует установлению между ними взаимосвязи по типу «часть» (общественная опасность личности) и «целое» (общественная опасность преступления). Больше того, игнорирование такой взаимосвязи представляется нам глубоко ошибочным и не соответствующим не только уголовному законодательству и практике его применения, но и просто здравому смыслу. Взять хотя бы, к примеру, изменение категории преступления, предусмотренное ч. 6 ст. 15 УК РФ: закон связывает данную возможность, кроме прочего, с наличием смягчающих наказание обстоятельств, а Верховный Суд РФ требует при решении данного вопроса принимать во внимание, в т.ч. роль подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, а также «другие фактические обстоятельства преступления, влияющие на степень его общественной опасности» [25]. Следовательно, этот, как и другие аргументы, приведенные Ю.Е. Пудовочкиным, доказывают как раз обратное – личность виновного оказывает существенное влияние на

общественную опасность преступления, вплоть до «понижения» категории конкретного преступления, т.е., фактически, выхода за пределы законодательной категоризации преступлений.

Личность виновного исключают из содержания общественной опасности и другие исследователи, полагающие, что характеристика личности, выступая как самостоятельное начало назначения наказания, выходит за пределы не только общественной опасности деяния, но и обстоятельств, смягчающих или отягчающих наказание [1, с. 32-35]. Данный подход разделяла также Т.В. Непомнящая [19, с. 118]. Выражая свое отношение к нему, уместно обратить внимание на то, что упоминание в ч. 3 ст. 60 УК РФ, наряду с общественной опасностью преступления, личности виновного, не свидетельствует об их абсолютной автономности хотя бы потому, что называемые здесь же обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, по мнению Верховного Суда РФ, «учитываются при определении *степени общественной опасности преступления* (курсив наш – И.И.)» [22]. Формальная логика диктует такое же отношение и к обстоятельствам, характеризующим личность преступника.

Справедливости ради отметим, что высказаны и более правильные, на наш взгляд, суждения о неразрывной связи и взаимозависимости общественной опасности преступления и общественной опасности личности виновного [4 т. 1. с. 156-162]. Однако мы предлагаем сделать следующий важный шаг – законодательно закрепить статус общественной опасности личности и обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, как важных и неотъемлемых компонентов общественной опасности преступления. С этой целью содержание ч. 3 ст. 60 УК РФ представляется целесообразным изменить следующим образом: «При назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления, в том числе личность виновного, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи, а также другие фактические обстоятельства преступления, влияющие на степень его общественной опасности. Суд также учитывает влияние назначенного наказания на достижение его целей и на условия жизни семьи осужденного»¹.

Как подчеркивалось ранее, другой, менее исследованной «разновидностью» общественной опасности в уголовном праве является опасность непреступных деяний, о которой мы можем судить на основании ч. 2 ст. 14, ч. 3 ст. 20, ст. 21, ст. 28, ст.ст. 37-42 УК РФ². В связи с этим возникают очень интересные исследовательские вопросы: каковы показатели этой общественной опасности? Из чего она складывается? Можно ли пользоваться для ее установления понятиями характера и степени общественной опасности? Попробуем на них ответить, проанализировав вышеуказанные статьи уголовного закона.

---

¹ Тема нашего исследования не позволяет подробно останавливаться на соотношении действующей редакции ч. 3 ст. 60 УК РФ с целями уголовного наказания, провозглашенными в ч. 2 ст. 43 УК РФ. Вместе с тем, предлагая новую редакцию мы не смогли не обратить внимание на законодательную ошибку, заключающуюся, на наш взгляд, в игнорировании двух из трех закрепленных в законе целей наказания и предложили исправить ее, указав на необходимость со стороны суда соизмерять назначаемое наказание не только с целью исправления осужденного, но и с другими целями наказания.

² О непреступных уголовно-правовых деяниях см.: [6 с. 82-89]; [7]; [8 с. 78-90] Считаем целесообразным подчеркнуть, что в поле нашего зрения попала лишь та часть непреступных деяний, которая регулируется уголовным законодательством и четко отграничивается от преступлений.

Формулировка малозначительного деяния, закрепленная в ч. 2 ст. 14 УК РФ, позволяет вывести из нее два важных обстоятельства: во-первых, законодатель упоминает об общественной опасности в целом, без акцентации на каких-либо ее показателях; во-вторых, для признания деяния малозначительным необходимо пусть и формальное, но все же наличие в нем признаков состава преступления. Помимо этого, как неоднократно подчеркивалось, в судебной практике для характеристики малозначительности используется широкий набор параметров, часть из которых позволяют уяснить характер, а часть – степень его общественной опасности.

Содержание ч. 3 ст. 20, ст. 21 и ст. 28 УК РФ также убеждает в том, что в них речь идет о тех общественно опасных деяниях, которые предусмотрены уголовным законодательством. Так, и возрастная невменяемость, и невменяемость, и невиновное причинение вреда – следствие различных дефектов сознания и воли деятеля, которые законодатель считает несовместимыми с уголовной ответственностью. А последняя, в свою очередь, возможна лишь за те деяния, которые указаны в УК РФ. Об этом же свидетельствует и терминология анализируемых положений: «не подлежит уголовной ответственности», «предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние» (ч. 3 ст. 20, ст. 21 УК РФ). В случае со ст. 28 УК РФ, регламентирующей невиновное причинение вреда, сходный вывод помогает сделать ст. 5 УК РФ, устанавливающая на уровне отраслевого принципа, что «лицо подлежит уголовной ответственности» (курсив наш – И.И.) только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина».

Таким образом, во всех трех рассмотренных ситуациях соответствующие лица попадают в сферу уголовно-правового регулирования только тогда, когда совершенное им деяние соответствует статье Особенной части УК РФ. Если невменяемый, к примеру, громко распевает песни в ночное время, уголовно-правовое принуждение к нему применено быть не может: для этого необходимо совершить кражу, убийство или иное деяние, предусмотренное УК РФ. Казалось бы, это дает основания распространять и на эти ситуации понятия характера и степени общественной опасности, присущие преступлению. Вместе с тем, и законодательная, и правоприменительная логика связывают общественную опасность рассматриваемых неправомерных деяний преимущественно с опасностью лица, их совершившего. Например, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07 апреля 2011 № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» (далее – постановление от 07.04.2011 № 6) наглядно подтверждает это, связывая применение принудительных мер медицинского характера с возможностью причинения этими лицами иного существенного вреда либо с опасностью для себя или других лиц (п. 2); регулируя вопросы, которые следует ставить на разрешение экспертов (п. 6); разъясняя, какие обстоятельства могут свидетельствовать об опасности лица для себя или других лиц либо о возможности причинения этим лицом иного существенного вреда (п. 17). О преобладающем значении в характеристике общественной опасности рассматриваемой группы неправомерных деяний данных о личности свидетельствует и само основание их выделения в уголовном законе: как упоминалось ранее, это дефекты сознания и воли соответствующих субъектов, иначе говоря – субъективные признаки.

Наконец, применительно к обстоятельствам, исключаяющим преступность деяния, сделать вывод о возможности использования понятий «характер» и «степень» общественной опасности можно, как представляется, на основе анализа тех обстоятельств, которые лежат в основе разграничения правомерной необходимой обороны и превышения ее пределов. Они перечислены в п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» (далее – постановление от 27.09.2012 № 19): «объект посягательства; избранный посягавшим лицом способ достижения результата, тяжесть последствий, которые могли наступить в случае доведения посягательства до конца, наличие необходимости причинения смерти посягавшему лицу или тяжкого вреда его здоровью для предотвращения или пресечения посягательства; место и время посягательства, предшествовавшие посягательству события, неожиданность посягательства, число лиц, посягавших и оборонявшихся, наличие оружия или иных предметов, использованных в качестве оружия; возможность оборонявшегося лица отразить посягательство (его возраст и пол, физическое и психическое состояние и т.п.); иные обстоятельства, которые могли повлиять на реальное соотношение сил посягавшего и оборонявшегося лиц»³.

С учетом этого, думается, что об общественной опасности обстоятельств, включающих преступность деяния, можно вести речь только в случаях, когда нарушаются предусмотренные уголовным законом условия их правомерности и причинение вреда охраняемым общественным отношениям выражается в конкретном преступном деянии. Разумеется, в таком случае применимы и параметры характера и степени общественной опасности, которые используются для характеристики преступного деяния.

Основываясь на изложенном, кратко сформулируем основные выводы: 1) «Характер» и «степень» являются показателями общественной опасности, помогая обнаружить, зафиксировать, охарактеризовать (т.е. наполнить реальным содержанием) данный сущностный признак преступления. 2) Характер общественной опасности должен устанавливаться в зависимости от конкретных признаков преступления, лежащих в рамках его состава и характеризующих его объект, объективную и субъективную стороны и субъекта, а степень общественной опасности – исходя из обстоятельств, которые не отражены в составе преступления, но учитываются судом и влияют на различные аспекты уголовной ответственности. 3) С учетом предлагаемого разграничения между характером и степенью общественной опасности считаем целесообразной следующую редакцию п. 1 постановления от 22.12.2015 № 58: «Характер общественной опасности преступления определяется уголовным законом и зависит от установленных судом признаков состава преступления. При учете характера общественной опасности преступления судам следует иметь в виду прежде всего направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред. Степень общественной опасности преступления устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, лежащих за пределами состава преступления. К ним могут быть отнесены, например,

---

³ В отношении причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, соответствующие разъяснения даются в пп. 21, 22 [27].

характер и размер последствий преступления с формальным составом, мотивы, цели, способы деяния, не являющиеся составообразующими или квалифицирующими признаками, характеристики личности виновного, его постпреступное поведение и пр. Обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание...» – далее по тексту.

4) Из понятия «степень общественной опасности» нельзя исключать ни личность виновного, ни смягчающие или отягчающие обстоятельства, ни какие-либо другие фактические обстоятельства, влияющие на его общественную опасность. Исходя из этого, предлагается изменить ч. 3 ст. 60 УК РФ следующим образом: «При назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления, в том числе личность виновного, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи, а также другие фактические обстоятельства преступления, влияющие на степень его общественной опасности. Суд также учитывает влияние назначенного наказания на достижение его целей и на условия жизни семьи осужденного».

5) Общественная опасность преступных деяний зависит от вида такого деяния. По отношению к малозначительным деяниям целесообразно применять понятия характера и степени общественной опасности; общественная опасность деяний, совершенных при наличии различных дефектов сознания и воли (ч. 3 ст. 20, ст. 21, 28 УК РФ) полностью зависит от характеристик личности лица, их совершившего; общественная опасность обстоятельств, исключающих преступность деяния, имеет уголовно-правовое значение только в случаях, когда нарушаются законодательные параметры их правомерности, а причиненный вред выражается в конкретном преступном деянии – соответственно, здесь применимы показатели «характер» и «степень» общественной опасности в том понимании, которое свойственно преступлению.

Список литературы:

1. Анисимков В. М., Королева Е. В. Характеристика личности виновного в преступлении как самостоятельное начало в назначении наказания // Российский следователь, 2014. № 1.
2. Антонова Е. Ю. Общественная опасность как основание криминализации деяний // Уголовная политика и правоприменительная практика: Сборник материалов VI-ой Международной научно-практической конференции. СПб.: ООО Издательский дом «Петрополис», 2019.
3. Благоев Е. В. Применение общих начал назначения уголовного наказания: монография. М., 2013.
4. Боковня А. Ю. Понятие и система критериев типовой степени общественной опасности личности виновного в совершении преступления // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева, 2019. № 2 (95). Том 1.
5. Воронин В. Н. Индивидуализация наказания с учетом характера и степени общественной опасности // Журнал российского права. 2016. № 11.
6. Гарбатович Д. А. Классификация преступных уголовно-правовых деяний // Российское правосудие, 2019. №12.
7. Гарбатович Д. А. Некоторые вопросы квалификации общественно опасных деяний невменяемых // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2016.
8. Гарбатович Д. А. Квалификация преступных уголовно-правовых деяний: монография. Москва: Юрлитинформ, 2017.
9. Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1975.
10. Егорова Н. А. Общественная опасность преступления: теория, законодательство, судебная практика // Вестник Волгоградской Академии МВД России, 2019. № 1 (48).
11. Козлов А.П. Понятие преступления. СПб., 2004.
12. Кондратьева К. Ю. Характер и степень общественной опасности совершенного преступления как основание применения условного осуждения // Вестник Самарского юридического института. 2016. №1 (19).
13. Кривоченко Л.Н. Классификация преступлений. Харьков, 1983.
14. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 2002.
15. Мальцев В. В. Проблема отражения и оценки общественно опасного поведения в уголовном праве: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 1993.
16. Марцев А.И. Общие вопросы учения о преступлении. Омск, 2000.

17. Михаль О. А. Характер и степень общественной опасности преступления // Научный вестник Омской академии МВД России. 2009. №4.
18. Обзор практики Конституционного Суда Российской Федерации за 2020 год.
19. Непомнящая Т. В. Учет судами общих начал назначения наказания при избрании меры наказания // Lex Russica, 2017.
20. Панарина В. В. Понятие и классификация общественно опасных деяний, не являющихся преступлениями // Законы России: опыт, анализ, практика, 2018. № 4.
21. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159⁴ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа».
22. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания».
23. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2021 № 21 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (статьи 201, 201¹, 202, 203 Уголовного кодекса Российской Федерации)».
24. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности».
25. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 мая 2018 № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации».
26. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07 апреля 2011 № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера».
27. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление».
28. Пудовочкин Ю. Е. Понятие, критерии и пределы учета общественной опасности преступления судом // Уголовная политика и правоприменительная практика: Сборник материалов VII-ой Международной научно-практической конференции. СПб.: Центр научно-информационных технологий «Аспирион», 2019.
29. Разгильдиев Б. Т. Фундаментальные аспекты уголовного наказания // Всероссийский криминологический журнал, 2017. Т. 11. № 3.
30. Святенюк Н.И. Материальное содержание преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993.
31. Солодков И. А. Общественная опасность преступления и ее уголовно-правовое измерение. Автореф. канд. дисс. Саратов, 2013.
32. Солодков И. А. Содержание категории «характер общественной опасности» // Вестник Саратовской государственной юридической академии, 2012. № 5 (88).
33. Сотсков Ф.Н. Общественная опасность деяния в уголовном праве России. Автореф. канд. дисс. М., 2009.
34. Тоболкин П.С. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. Свердловск, 1983.
35. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / под ред. Ю. В. Грачевой. Москва: Проспект, 2019.
36. Фиськов И. А. О понятии и содержании признака «общественная опасность» // Аграрное и земельное право, 2020. № 10 (190).
37. Энциклопедия уголовного права. Т. 3. Понятие преступления. Издание профессора Малинина. СПб., 2005.

Ishchenko I.V. Nature and degree of public danger of crimes and uncertain activities: problems of concept and criteria of definition // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 133-147.

The article is devoted to one of the fundamental concepts of criminal law – the social danger of an act. Based on the current state of its scientific development and consistently justifying the answers to the most important debatable questions related to this concept, the author comes to the conclusion that the public danger of a crime is part of a broader and universal concept of "danger to society" and is an objective-subjective, integrative property of criminal behavior of a person, subject to consideration at all stages of its criminal legal assessment and consisting of all legally significant signs of a crime. The integrative status of public danger is determined by the need to take it into account in the process of criminalization of a socially dangerous act, legal assessment of an already criminalized act, as well as non-criminal behavior provided for by criminal legislation. In addition, having an objective-subjective nature, public danger combines two parameters that are equally important for the analysis of science and practice: the area of due, rooted in the sphere of natural law and the area of existence. The integrative properties of public danger are also manifested in the fact that it consists of all legally significant signs of a crime, both within the composition and outside it. In other words, the concept of public danger unites all manifestations of criminal tort and its criminal-legal consequences.

The article notes that, in contrast to the public danger of crimes, the public danger of non-criminal acts has been studied much less: criminal law science has yet to find and justify answers to questions about what it consists of, what is its essence, legal nature, etc.

Key words: nature of public danger; the degree of public danger; crime; non-criminal acts; criminal legislation; the doctrine of criminal law; scientific approaches; arbitrage practice; elements of corpus delicti; signs of corpus delicti; the identity of the perpetrator; factual circumstances; assessment of the crime.

Spisok literatury:

1. Anisimkov V. M., Koroleva E. V. Harakteristika lichnosti vinovnogo v prestuplenii kak samostoyatel'noe nachalo v naznachanii nakazaniya // Rossijskij sledovatel', 2014. № 1.

2. Antonova E. YU. Obshchestvennaya opasnost' kak osnovanie kriminalizatsii deyanij // Ugolovnaya politika i pravoprimenitel'naya praktika: Sbornik materialov VI-oj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. SPb.: OOO Izdatel'skij dom «Petropolis», 2019.
3. Blagov E. V. Primenenie obshchih nachal naznacheniya ugovnogo nakazaniya: monografiya. M., 2013.
4. Bokovnya A. YU. Ponyatie i sistema kriteriev tipovoj stepeni obshchestvennoj opasnosti lichnosti vinovnogo v sovershenii prestupleniya // Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva, 2019. № 2 (95). Tom 1.
5. Voronin V. N. Individualizatsiya nakazaniya s uchetoм haraktera i stepeni obshchestvennoj opasnosti // Zhurnal Rossijskogo prava, 2016. № 11.
6. Garbatovich D. A. Klassifikatsiya neprestupnyh ugovno-pravovyh deyanij // Rossijskoe pravosudie, 2019. №12.
7. Garbatovich D. A. Nekotorye voprosy kvalifikatsii obshchestvenno opasnyh deyanij nevmenyaemyh // Vestnik YUUrGU. Seriya: Pravo. 2016.
8. Garbatovich D. A. Kvalifikatsiya neprestupnyh ugovno-pravovyh deyanij: monografiya. Moskva: YUritinform, 2017.
9. Demidov YU. A. Social'naya cennost' i ocenka v ugovnom prave. M., 1975.
10. Egorova N. A. Obshchestvennaya opasnost' prestupleniya: teoriya, zakonodatel'stvo, sudebnaya praktika // Vestnik Volgogradskoj Akademii MVD Rosii, 2019. № 1 (48).
11. Kozlov A. P. Ponyatie prestupleniya. SPb., 2004.
12. Kondrat'eva K. YU. Karakter i stepen' obshchestvennoj opasnosti sovershennogo prestupleniya kak osnovanie primeneniya uslovnogo osuzhdeniya // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. 2016. №1 (19).
13. Krivochenko L. N. Klassifikatsiya prestuplenij. Har'kov, 1983.
14. Kurs ugovnogo prava. Obshchaya chast'. T. 1: Uchenie o prestuplenii / pod red. N. F. Kuznecovoj, I. M. Tyazhkovoj. M., 2002.
15. Mal'cev V. V. Problema otrazheniya i ocenki obshchestvenno opasnogo povedeniya v ugovnom prave: vtoref. diss. ... d-ra yurid. nauk. M., 1993.
16. Marcev A. I. Obshchie voprosy ucheniya o prestuplenii. Omsk, 2000.
17. Mihal' O. A. Karakter i stepen' obshchestvennoj opasnosti prestupleniya // Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rosii. 2009. №4.
18. Obzor praktiki Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federatsii za 2020 god.
19. Nepomnyashchaya T. V. Uchet sudami obshchih nachal naznacheniya nakazaniya pri izbranii mery nakazaniya // Lex Russica, 2017.
20. Panarina V. V. Ponyatie i klassifikatsiya obshchestvenno opasnyh deyanij, ne yavlyayushchihsia prestupleniyami // Zakony Rosii: opyt, analiz, praktika, 2018. № 4.
21. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 11.12.2014 № 32-P «Po delu o provere konstitucionnosti polozhenij stat'i 1594 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federatsii v svyazi s zaprosom Salekhardskogo gorodskogo suda Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga».
22. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 22 dekabrya 2015 № 58 «O praktike naznacheniya sudami Rossijskoj Federatsii ugovnogo nakazaniya».
23. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 29 iyunya 2021 № 21 «O nekotoryh voprosah sudebnoj praktiki po delam o prestupleniyah protiv interesov sluzhby v kommercheskih i inyh organizatsiyah (stat'i 201, 2011, 202, 203 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federatsii)».
24. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 28 iyunya 2011 g № 11 «O sudebnoj praktike po ugovnym delam o prestupleniyah ekstremistskoj napravlenosti».
25. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 15 maya 2018 № 10 «O praktike primeneniya sudami polozhenij chasti 6 stat'i 15 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federatsii».
26. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 07 aprelya 2011 № 6 «O praktike primeneniya sudami prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera».
27. Postanovleniya Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 27 sentyabrya 2012 № 19 «O primenении sudami zakonodatel'stva o neobhodimoy oborone i prichinenii vreda pri zaderzhanii lica, sovershivshego prestuplenie».
28. Pudovochkin YU. E. Ponyatie, kriterii i predely ucheta obshchestvennoj opasnosti prestupleniya sudom // Ugolovnaya politika i pravoprimenitel'naya praktika: Sbornik materialov VII-oj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. SPb.: Centr nauchno-informacionnyh tekhnologij «Aspirion», 2019.
29. Razgil'diev B. T. Fundamental'nye aspekty ugovnogo nakazaniya // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal, 2017. T. 11. № 3.
30. Syvatenyuk N. I. Material'noe sodержanie prestupleniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 1993.
31. Solodkov I. A. Obshchestvennaya opasnost' prestupleniya i ee ugovno-pravovoe izmerenie. Avtoref. kand. diss. Saratov, 2013.
32. Solodkov I. A. Soderzhanie kategorii «karakter obshchestvennoj opasnosti» // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii, 2012. № 5 (88).
33. Sotskov F. N. Obshchestvennaya opasnost' deyaniya v ugovnom prave Rosii. Avtoref. kand. diss. M., 2009.
34. Tobolkin P. S. Social'naya obuslovlennost' ugovno-pravovyh norm. Sverdlovsk, 1983.
35. Ugolovnoe pravo Rossijskoj Federatsii. Obshchaya chast' : uchebnik / pod red. YU. V. Grachevoj. Moskva: Prospekt, 2019.
36. Fis'kov I. A. O ponyatii i sodержanii priznaka «obshchestvennaya opasnost'» // Agrarnoe i zemel'noe pravo, 2020. № 10 (190).
37. Enciklopediya ugovnogo prava. T. 3. Ponyatie prestupleniya. Izdanie professora Malinina. SPb., 2005.